

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Ирина Лукьянова — известный поэт, прозаик и филолог, но я всегда был лишен возможности хвалить ее публично, поскольку двадцать лет мы прожили в браке и воспитали двух детей. Зато все синяки и шишки, которые навлекло родство со мной, сыпались на нее исправно, и защитить ее от этого я никак не мог.

Тем не менее теперь Лукьянова сделала вещь настолько значительную, что никакая моя пристрастность не сможет ее преувеличить: она написала первый внеидеологический курс русской литературы, курс, в котором прослеживаются не превращения формаций, не смена литературных школ, а то, что Елена Стишова называет самодвижением. Возникновение новых жанров, отмеченные формалистами чередования мейнстримных и маргинальных литературных форм, взаимное обогащение театра и поэзии, взаимные влияния церковной и светской традиций — все рассмотрено в едином потоке времени, в тесной связи с историей, но без того угрюмого социального детерминизма, от которого мы столько натерпелись в советские годы. История русской литературы, рассмотренная вне вечного конфликта западников и славянофилов (его искусственность была провидчески описана еще Гоголем в «Выбранных местах»), давно была насущно необходима не только учителю, но прежде всего вдумчивому ученику. Литература есть эволюция — недаром Тынянов постоянно подчеркивал ее динамическую, вечно неустойчивую природу. Учебник Лукьяновой — а эта книга станет популярным и живо обсуждаемым учебным пособием, — впервые за многие годы рассматривает историю русской литературы как целостный процесс, и хотя у нас есть, например, прекрасные учебники Игоря Сухих — Лукьянова впервые отважилась рассмотреть не золотой и серебряный века, а десять веков отечественной словесности. Оказалось, что проблемы, которые волновали ее, за эти десять веков никуда не делись. Поставить рядом с этой книгой, необыкновенно внятной и компактной, можно только трехтомник Александра Янова «Россия и Европа». Но Янов рассматривает именно историю «русской идеи» — Лукьянова же развивает тезис о том, что русская литература и есть наша подлин-

ная национальная идея, и она не нуждается ни в каких искусственно раздуваемых милитаристских культах.

Эта книга вместила огромное количество информации, но любой школьник легко ее усвоит, поскольку изложена она системно, с той единственной точки зрения, которая вообще приемлема для истории литературы: развитие формы, ее усложнение, постепенное умножение функций художественного текста, превращение литературы в единственное подлинное зеркало национальной жизни. При этом Лукьянова рассматривает русскую литературу в общеевропейском контексте, отмечая параллели, отставания, опережения, взаимные влияния и переклички. Рискну сказать, что традиционно пробегаемые и пролистываемые периоды — первые пятьсот лет русского литературного развития — у нее изложены особенно увлекательно, а литературная борьба XVIII века, когда все только закладывается, — выписана с подлинным драматургическим мастерством. Я узнаю здесь школу Новосибирского университета, традиционно внимательного к фольклору и житиям, и вспоминаю атмосферу новосибирских научных чтений, куда стремились филологи со всей страны. Глубокая погруженность в религиозную жизнь и атмосферу богословских дискуссий тоже со служила Лукьяновой отличную службу — как и участие в фольклорных экспедициях, необходимый этап воспитания филолога. В общем, эта книга — результат тридцати лет жизни в литературе, но при этом в ней ощущается тот же детский восторг перед чудом художественного дара, который автор испытал при чтении первых дошкольных книжек. Я прочел эту книгу с самым живым интересом, временами привычно полемизируя с Лукьяновой (как тут не вспомнить любимое — «После длинного ряда таких и подобных столкновений случайно родилось дитя»), но ни секунды не скучая и постоянно восхищаясь тем, что ничто из главного, действительно существенного, не забыто. Печалит меня одно — что эта книга, возможно, заслонит собственные лукьяновские стихи и прозу, которые я люблю гораздо больше всех ее научных изысканий. Товарищи! Она прекрасно знает чужое, но гораздо лучше пишет свое.

Дмитрий Быков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Школьный курс русской литературы строится обычно по персоналиям: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Толстой, Достоевский... И по произведениям: «Капитанская дочка», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Мертвые души»... Конечно, сейчас не обязательно ограничиваться школьным курсом литературы: можно слушать лекции, их очень много — но и лучшие лекторы тоже рассказывают или о писателе, или о конкретной книге. Реже — о литературной группировке, литературном обществе, может быть, даже о направлении.

Но даже у любящего русскую литературу читателя чаще всего возникает удивительное представление о ней: сначала было «Слово о полку Игореве», потом несколько веков темноты, когда писали что-то непонятное на языке, который невозможно прочитать. Потом из темноты вынырнул Ломоносов, за ним появился Державин. Державин родил Пушкина, Пушкин — Лермонтова, Лермонтов — Гоголя. Классицизм родил сентиментализм, сентиментализм родил романтизм, романтизм родил реализм...

Но ведь история литературы не прыгает с кочки на кочку, она течет непрерывно. Литература, как живое существо, рождается, взрослеет, живет и умирает. У литературы бывает детство, юность и старость. История литературы — долгая жизнь, полная влюбленностей, разочарований, заблуждений. В ней могут быть периоды взлетов и периоды молчания.

Однако связный курс истории литературы появляется только на филфаке университета. Те, кто не читал университетских учебников, должны сами складывать в голове пазл из множества кусочков.

В этой книге я попробую представить русскую литературу как поток, а не как дорогу с кочки на кочку. Рассказать, как она жила: как родилась, каким было ее детство, как она задумывалась над самыми главными вопросами человеческого бытия и своего собственного существования. Чему и как она училась, о чем спорили писатели, поэты и критики в разные времена, что было главным содержанием разных литературных эпох.

Для кого эта книга? Для старшеклассников, которые хотят понять литературный и исторический контекст тех произведений, которые изу-

чаются в школе, но засыпают над вузовским учебником истории литературы. Для студентов нефилологических специальностей. Для взрослых читателей, которые любят читать, но искренне недоумевают, «существует ли вообще древнерусская литература», «почему эта школьная классика такая мрачная» и «как вообще можно читать тексты восемнадцатого века».

Книга рассчитана на читателя, который одолел основные произведения школьной программы, — того, которому не нужен краткий пересказ «Мертвых душ» или «Жития Петра и Февронии Муромских», которого не нужно знакомить с Тургеневым и Толстым. Я стараюсь не повторять то, о чем говорят на уроках литературы. Пожалуй, не стоит ожидать от этой книги и филологических открытий, радикально смелых концепций. Хотя к самой идее, что у литературы есть детство, зрелость и старость, очень легко придаться — а может быть, и нужно это делать: именно так появляются более удачные концепции.

Итак, жила-была русская литература.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО

7

Древнерусская литература: рождение и детство

В начале было Слово

Слова «древнерусская литература» вызывают у многих современных школьников и студентов приступы ужаса или зевоты. Кажется, это что-то неимоверно тоскливое, непонятное, однообразное. Школа не очень помогает разобраться — и в конце концов у взрослого современного человека складывается впечатление, что вся русская литература началась если не с Пушкина, то с Ломоносова, а до Ломоносова была какая-то летопись, в которой княгиня Ольга жгла древлян, да еще «Слово о полку Игореве». Кто интересуется конспирологией — еще вспомнят о теории поддельности «Слова о полку». А между «Словом о полку» и Ломоносовым — белое пятно, пустота, ноль.

А на самом деле там — цветная, живая, интересная и очень своеобразная литература. Конечно, сегодня мало кто из нефилологов будет читать древнерусские книги, как мы читаем книги сегодняшние или классические романы: уж очень тяжело пробираться сквозь язык, реалии, богословские рассуждения. Но, может быть, стоит хотя бы в них заглянуть? Просто чтобы вместо пустоты на этом месте появилась жизнь.

А чтобы появилась литература, нужна письменность. То, что бытует в устной традиции, — это все-таки фольклор. Часто древнерусской литературой считают «всякие там былины». Но былины принадлежат к устной фольклорной традиции, хотя и складывались в те же Средние века, когда появилась и стала развиваться древнерусская литература.

Есть много околонучных мифов о дохристианской письменности древних славян. Но существующих научных фактов недостаточно, чтобы утверждать, что до появления христианства на Руси в самом деле была своя система письменности. Некоторые люди искренне считают древнейшим письменным памятником дохристианской эпохи языческую «Велесову книгу», которую ее публикатор датировал IX веком, но — ученые практически единогласно называют эту книгу грубой фальшивкой.

Письменность пришла на Русь вместе с христианством, после того, как князь Владимир крестил ее. У нового христианского народа сразу появилась необходимость в богослужебных и вероучительных книгах. Эти книги существовали на старославянском языке: славянские народы Южной Европы приняли христианство раньше, чем Древняя Русь.

Различия между славянскими языками еще были невелики, и старославянский язык стал общим для всего восточного христианства. К древнерусскому он был так близок, что книги на нем были понятны древнерусским читателям без перевода.

Старославянский язык — литературный язык, основанный на диалекте южных славян — древних болгар и македонцев. Именно этим диалектом славянского языка владели жители греческой Солуни (это нынешние Салоники) Кирилл и Мефодий, создатели славянского алфавита. Именно на него они перевели с греческого богослужебные книги.

И тем не менее в первые же годы распространения христианства на Руси возникла острая необходимость в переводчиках: Русь приняла христианство от Византии, где говорили и писали по-гречески. Поэтому уже при князе Ярославле Мудром, сыне князя Владимира, в монастырях стали создаваться школы для переводчиков и переписчиков и скриптории — мастерские, где работали переписчики книг.

Первая школа открылась в 1028 году в Новгороде. В нее приняли 300 детей священников и старост.

Переводили не только богослужебные книги, жития святых и поучения Отцов Церкви, но и хроники, естественно-научные трактаты, исторические повести и многое другое. В круг чтения грамотного древнерусского человека входили в первую очередь переводные книги. Среди них были патерики, апокрифы, исторические хроники (например, «Хроника Георгия Амартола» — история человечества от Сотворения мира до IX века). С удовольствием читали трактаты о том, как устроен мир («Хронограф» Косьмы Индикоплова, «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского); историческую повесть «Александрия», которая изначально описывала жизнь и походы Александра Македонского, но вобрала в себя столько фольклорных элементов, что стала читаться как фантастический роман. Например, в «Александрии» рассказывается о встрече войска Александра с шестирукими людьми и людьми с собачьими головами; о морских раках, которые крали у Александрова войска и утаскивали в море коней; да и сам Александр в этом повествовании — сын вовсе не Филиппа Македонского, а египетского царя и волшебника Нектанава.

Патерик — свод жизнеописаний монахов, живших в определенном месте. В патерике рассказывается об искушениях, которым они подвергаются, подвигах веры, которые они совершают, явленных им знамениях и совершенных ими чудесах.

Апокриф — более подробный, чем в канонических библейских книгах, рассказ о каком-то библейском событии или персонаже, не входящий в канон (то есть список книг, которые та или иная религия или конфессия считает священными). Несколько рискованным, но по сути верным будет сравнение апокрифа с сегодняшними фанфиками — историями, которые пишутся тоже на основе какого-то «канона» и часто даже с сохранением его духа. Некоторые апокрифы содержали изложение учений, которые Церковь признала еретическими.

Шестоднев — естественно-научный трактат, где доступные автору научные сведения изложены в привязке к одному из шести дней творения: например, ботанические — в третий день, когда, согласно Книге Бытия, была создана растительность, астрономические — в четвертый день, когда были созданы Луна, Солнце и звезды, а сведения о животных — в шестой день. В «Шестодневе» можно было прочитать не только об обычных животных, но и о двухголовой змее амфисбене, о мравольве, василиске, фениксе и других фантастических существах — в те времена они считались реально существующими.

Мы есть

Первое, что ребенок узнает про себя, первое, что рассказывает другим — меня зовут Миша, я мальчик, у меня мама Оля и папа Саша, я живу там-то. И первые шаги русской литературы — рассказать про себя, объяснить всему миру: мы — есть. Вот мы, Русь, мы существуем, мы большая христианская страна. Вот где истоки нашего народа, вот кто наши отцы, вот где мы живем. Об этом — самые древние произведения русской литературы.

Кто мы

Повесть временных лет, написанная в начале XII века, начинается с библейской истории о том, как сыновья Ноя после потопа поделили землю: Симу достался восток, Хаму — юг, а Иафету — северо-запад. После Вавилонского столпотворения, рассказывает автор летописи, когда Бог смешал языки и образовались разные народы, от сынов Иафета пошли норики, они же славяне. Славяне расселились по Дунаю, затем разошлись по земле, осели на берегах восточно-европейских рек и озер, основали города Киев, Новгород, Смоленск. Так автор последовательно отделяет свой народ сначала от других славянских народов — чехов,

поляков, сербов, хорватов. Потом выделяет географически близкие славянские племена: поляне, древляне, дреговичи, полочане, славяне. И вот, наконец, это мы — и это наша история: вот что мы слышали от отцов и дедов, вот как все началось: как основали Киев, как князь Олег ходил на Царьград, как крестилась княгиня Ольга, а затем князь Владимир крестил Русь. Вот что мы знаем о недавних временах: о князьях, которые правили Русью после Владимира, о войнах, которые вела Русь, о врагах, от которых защищалась, о храбрых воинах. Заканчивается рассказ на 1115 годе — видимо, здесь уже современность, дальше которой автор заглянуть не может.

Наши корни

Подробный рассказ о крещении княгини Ольги и Крещении Руси князем Владимиром содержится в одном из древнейших произведений древнерусской литературы, которое называется **«Память и похвала князю русскому Владимиру»**. Оно даже старше «Повести временных лет».

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона — самый древний из известных нам оригинальных, а не переводных памятников древнерусской литературы. Это речь, которую митрополит Иларион написал и, вероятно, произнес в присутствии князя Ярослава и его второй жены, шведской принцессы Ингигерды (в крещении Ирины), между 1037-м и 1051 годами, в храме при большом стечении народа. Ученые расходятся во мнении по поводу того, в каком храме речь была произнесена, — возможно, это был киевский храм Св. Софии.

«Слово» как жанр — образец торжественного красноречия; текст рассчитан на произнесение вслух, и чтение его вслух должно занять не более часа.

С Крещения Руси прошло несколько десятилетий. Русь — совсем молодая христианская страна. Но автор «Слова о законе и благодати» — человек образованный, не только хорошо знающий православное учение, но и отлично освоивший лучшие образцы византийской риторики. Он строит свою непростую по содержанию и нелегкую для восприятия на слух, длинную речь так, чтобы помочь слушателям как следует уложить в голове ее логические блоки.

Надо еще сказать, что сама тема, которую митрополит Иларион избрал для своей речи, с тех пор проходит сквозь всю русскую литературу — и если мы заглянем в Пушкина, Толстого, Достоевского, — мы и у них увидим христианскую мысль о торжестве милосердия, прощения, великодушия — одним словом, благодати — над суровой справедливостью закона.

Как же справляется со своей трудной задачей митрополит Иларион? Он строит часть своей речи на противопоставлениях: закон противопоставляется благодати, Ветхий Завет — Новому, рабство — свободе; земное — небесному. И всякий раз показывает слушателям: мы здесь, вот на этой стороне, где свобода, спасение, благодать.

Когда он рассказывает о двоякой, Божественной и человеческой, природе Христа, — выстраивает предложения так, чтобы слушатели легко восприняли эту двойственность:

«...Как человек, Он питался материнским молоком,— но, как Бог, повелел ангелам с пастырями воспевать: «Слава в вышних Богу»; как человек, Он был повит пеленами, — но, как Бог, звездою путеводил волхвов;
как человек, Он возлежал в яслях,— но, как Бог, принял от волхвов дары и поклонение;
как человек, Он бежал в Египет,— но, как Богу, поклонились Ему рукотворения египетские...»¹.

Те, кто хорошо учился в школе, сразу вспомнят, что этот прием называется синтаксическим параллелизмом. Митрополит Иларион часто им пользуется. Вот, например, как он рассказывает: мы теперь не язычники, а христиане. А значит:

«...И уже не идолопоклонниками зовемся, но христианами, не без упования еще живущими, но уповающими на жизнь вечную. И уже не капища сатанинские воздвигаем, но церкви Христовы созидаем; уже не друг друга бесам закалаем, но Христос за нас закалаем, закалаем и раздробляем в Жертву Богу и Отцу.
И уже не как прежде, жертвенную кровь вкушая, погибаем, но, пречистую Кровь Христову вкушая, спасаемся».

Блок за блоком, словесный кирпичик за кирпичиком, он укладывает в сознание своих слушателей основы православной веры и помогает им укрепиться в понимании: мы — мы теперь здесь, на стороне христианства, благодати, со всеми народами, которые видят свет вечной жизни. Мы тоже христиане, нам есть чем гордиться. У нас теперь — свои большие храмы, свои святые, свои монастыри — мы есть! У нас есть князь Владимир, который нас крестил, как апостолы крестили другие земли.

Все народы чтят своих учителей и просветителей — «Восхвалим же и мы — по немощи нашей хотя бы и малыми похвалами — свершившего великие и досточудные деяния учителя и наставника нашего,

¹ Перевод диакона Андрея Юрченко. Здесь и далее тексты приводятся по электронным публикациям Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Библиотека древнерусской литературы) <http://lib.pushkinskiydom.ru>

великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря и сына славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах и победы и могущество которых воспоминаются и прославляются и поныне. Ибо правили они не в безвестной и захудалой земле, но в земле Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли».

Еще один прием красноречия, которым пользуется митрополит Иларион, чтобы не только логически убеждать слушателей, но и зацепить их, заставить их сердца загореться сочувствием, радостью и гордостью за князя Владимира, — это серия риторических вопросов, которые обращены к покойному князю: «Как разверзлось сердце твое? Как вошел в тебя страх Божий? Как приобщился любви Его? Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою и своею нищетою и наготою, голодом и жаждою склоняющего к смирению сердце твое. Не видел ты, как именем Иисуса Христа бесы изгоняются, болящие исцеляются, немые говорят, жар в холод претворяется, мертвые встают. Не видел всего этого, как же уверовал?»

И в самом деле — как? — удивляются слушатели. Божьим чудом, — уверяет их оратор и взывает к князю: восстань, ты не умер, посмотри из гроба — на сына своего, на сноху, на внуков и правнуков, на свой город, на церкви — и возблагодари Бога!

И заканчивает свое «Слово» он торжественной кодой — вдохновенной благодарностью Богу.

Наши святые

Если мы новый христианский народ (и народ, который хочет быть самостоятельным, не зависимым от Византии) — значит, у нас должны быть не только свои храмы и монастыри, но и свои святые. Но для того, чтобы канонизировать святого, должно быть составлено его житие. А значит, появляются первые жития: Житие Бориса и Глеба — князей, убитых по наущению их брата, Святополка, Житие Феодосия Печерского, одного из основателей Киево-Печерской лавры. Св. страстотерпцы Борис и Глеб — первые канонизированные и признанные Византией русские святые; преподобный Феодосий Печерский был канонизирован следующим, даже раньше, чем его учитель, преподобный Антоний Печерский.

||| **Житие** — особый жанр церковной литературы, в котором рассказывается история жизни праведника, подвижника, мученика, святого. Это жизнеописание всегда составлялось после смерти человека и содержало сведения о его подвигах веры, чудесах, знамениях.

Постепенно житий становилось все больше, и их стали объединять в своды, которые назывались Четьи-Минеи (то есть «ежемесячное чтение»: жития расположены там по дням, когда церковь отмечает память святых, а дни идут в календарном порядке).

В древнерусской литературе авторов житий обычно интересуют не индивидуальные качества их героев, а воплощенная в них святость. Первые русские жития еще сохраняют индивидуальность героев: мы видим кротость и эмоциональность князя Бориса, суровость и строгость преподобного Авраамия Смоленского... Но постепенно общие качества берут верх над индивидуальностью — и уж если святой свят, то он, по словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, «свят до полной абстрактности» — он не земной человек со своим характером, а воплощенная святость. Воин — само мужество, древнерусская литература обязательно заметит, что воин даже ран не чувствует в пылу сражения. Князь, если уж он благоверный, правит мудро, защищает вдов и сирот, поступает по совести, строит храмы, не обижает бедных, а в трудной ситуации полагается на Господню волю. Если его канонизируют и прославляют — то за это, а не за внешнеполитические успехи, например.

Это еще одно важное качество древнерусской литературы: в ней еще нет индивидуального начала. Она еще не открыла характера, личности. Герой изображается так, как предписывается литературным этикетом: существуют специальные правила и даже специальные языковые формулы для изображения святого, князя, княгини, врагов. Герои получаются условными, воплощающими или добродетель, или порок. И это нормально для детства литературы — а Средневековье для большинства европейских литератур — это именно детство.

В книжках для маленьких детей добро есть добро, а зло есть зло, они однозначны и понятны. Так и в средневековой литературе: человек сам выбирает, по добру или по злу поступать, поэтому праведник добр, а грешник зол, но еще может раскаяться. Позднее грешникам даже приписывали дополнительные грехи (например, позднейшие вставки в «Повесть временных лет» подчеркивали, что князь Владимир, креститель Руси, был исключительно женолюбив — совершенно как библейский царь Соломон, — чтобы еще заметнее был контраст с новым Владимиром, в крещении Василием, который стал свободен от прежних грехов и возлюбил добродетель).

В древнерусской литературе еще практически нет автора. Этикет предписывал автору самоуничижение: он умалет себя, чтобы возвеличить важность того, о чем рассказывает. А тексты, существовавшие без указания автора, позднее могли приписать кому-то из Отцов Церкви, например Иоанну Златоусту. Понятия «авторское право», «плагиат», «заим-

ствование», «цитирование» появятся через много столетий: сейчас автор (даже не всегда автор — часто составитель) нового текста опирается на известные ему образцы, берет из них все, что соответствует его задаче.

Наши правила

Детство человека — время, когда ему задают нормы поведения и показывают примеры. Так и детство литературы — время моральных заповедей, поучений и образцов. Делай так, не делай этак — и будет все правильно и хорошо.

Поэтому жанр «поучения» — очень важный жанр. Князь Владимир Мономах в своем «Поучении» проповедует своим детям и внукам евангельские истины: «Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: “Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй”. И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможет, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя. Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей»¹. Это малая часть советов, которые князь Владимир, «сидя на санех» (сейчас бы сказали — стоя одной ногой в гробу), дает детям и их детям.

Ведите себя по-божески и по-человечески, завещает он, и все у вас будет хорошо.

Мир древнерусской литературы — особенно ее киевского периода, — как и детский мир, устойчив, стабилен и понятен. В нем ясно, где верх и низ, что хорошо и плохо. В нем нет вымысла: зачем выдумывать, если Господь и так все хорошо устроил, надо стремиться познать Его замысел. Выдумка — ложь, а ложь — от дьявола.

¹ Перевод Д. С. Лихачева.

Как ребенок любит читать и перечитывать одну и ту же сказку много раз, так и древнерусская литература предпочитает предсказуемость новизне, привычность, традиционность — неожиданности. Все персонажи играют свои роли: князья правят и ходят в походы, княгини их ждут из походов и совершают богоугодные дела, святые молятся, по их молитвам происходят чудеса, воины воюют, грешники грешат и иногда потом рассказываются... Все они — не столько живые люди, сколько условные персонажи, воплощенные роли. Но каждый из них сам выбирает вектор — к добру устремляться или ко злу, Богу служить или дьяволу.

Для писателя в Древней Руси его труд — очень ответственное занятие, форма служения Богу. Книга нужна, чтобы просвещать людей светом истины, исправлять сердца, давать хорошие примеры, а не отвлекать их вымыслом, не развлекать. Книгу пишут на века — на дорогом и прочном пергамене, над ней долго трудятся писцы; книга — почти священный предмет. Она должна воспитывать человека, быть поучительной, правильной. Когда писатель пишет, он следует самым высоким образцам, — он совершает свое служение, делает это так, как положено, как будто совершает давно заведенный обряд.

И конечно, в древнерусской литературе тоже есть свое высокое и низкое: именно сейчас в ней на века складывается иерархия чтения: на вершине — Священное Писание; ниже — труды Отцов Церкви, затем жития и патерики. Потом — апокрифы. И только потом — литература познавательного и светского характера: хроники, исторические повести, сборники естественно-научных и этико-философских текстов. Особое место занимали жанры риторические: слова и поучения, которые, конечно, тоже носили назидательный характер.

Нет, разумеется, древним людям тоже было свойственно влюбляться, печалиться, радоваться, слушать занимательные небылицы — но для всего этого у них был фольклор: сказки, былины, песни, плачи, прибаутки. Кстати, юмора древнерусская литература была очень долго лишена: она была делом серьезным и не поощряла никакого смехотворства.

Мы в мире

При этом древнерусская культура открыта новым знаниям и впечатлениям — но в первую очередь таким, которые способны пролить на душу свет христианской веры, очистить от греха.

Уже первые тексты древнерусской литературы демонстрируют высокую образованность автора, их открытость миру книжной культуры: они опираются на византийскую традицию, которая основана на Священном Писании, с одной стороны, и сохраняет античное наследие — с другой. Отсюда — и богатый символизм, и развитые приемы ораторского искусства.